

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье. 30-го Марта 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9348.

Падающая звезды.

(Съ французского).

Медленно спустилась ночь 13-го августа и все окутала своими таинственными тьмями.

Одна въ своей комнатѣ сидѣла „она“ на диванѣ и грезила. Все въ комнатѣ было чисто, бѣло, нѣжно и свѣтло, какъ и она сама. И сидя такъ, подперши голову руками, она напоминала бѣлую, рѣдкую красоты розу, которая поражаетъ своими роскошными красками. Около нея лежали нѣсколько книгъ и номеръ газеты того же дня, т. е. 13-го августа. Она быстро пробѣжалась глазами по страницамъ газеты съ различными заглавіями: „Объ обществѣ“... „Заграница“... „Политика“... „Разныя разности“... Падающія звѣзды 13-го августа.

— Падающія звѣзды!.. 13 августа!.. бормотала она, и ей вспомнилось ея далекое дѣтство, то время, когда она была еще маленькая дѣвочка, носила короткія платья и полусапожки. Ей вспомнилась ея добрая старая няня, которая часто бывало говорила ей и ея умершей сестрѣ, что въ ночь 13-го августа, когда замѣ чаютъ падающую звѣзду, необходимо пожелать чего-нибудь, и оно исполнится. Она вспоминаетъ, какъ она глубоко вѣрила въ это. О! она серьезно вѣрила въ истинность словъ своей няни. Ей невольно дѣлается смѣшно ея тогдашнее суевѣrie. Она помнить, какъ ей хотѣлось пожелать чего-нибудь. Но что это были за желанія? Красивыя игрушки, вкусныя конфеты и т. п. Ей ясно вспоминается, какъ она однажды ночью соскочила съ кровати и босая, въ ночной сорочкѣ, побѣжалась во дворъ, чтобы поджидать тотъ моментъ, когда упадетъ звѣзда. Она ждала—насколько она помнить—довольно долго и все время повторяла свое желаніе, такъ какъ нельзя было терять и одной секунды, иначе все бы пропало, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряла ее няня. Она тогда уже не желала дѣтскихъ игрушекъ. О, нѣтъ! Она была тогда въ томъ возрастѣ, когда дѣвушка превращается въ женщину.

— Я хочу быть прекрасной!—эти слова повторяла она безчисленное множество разъ.

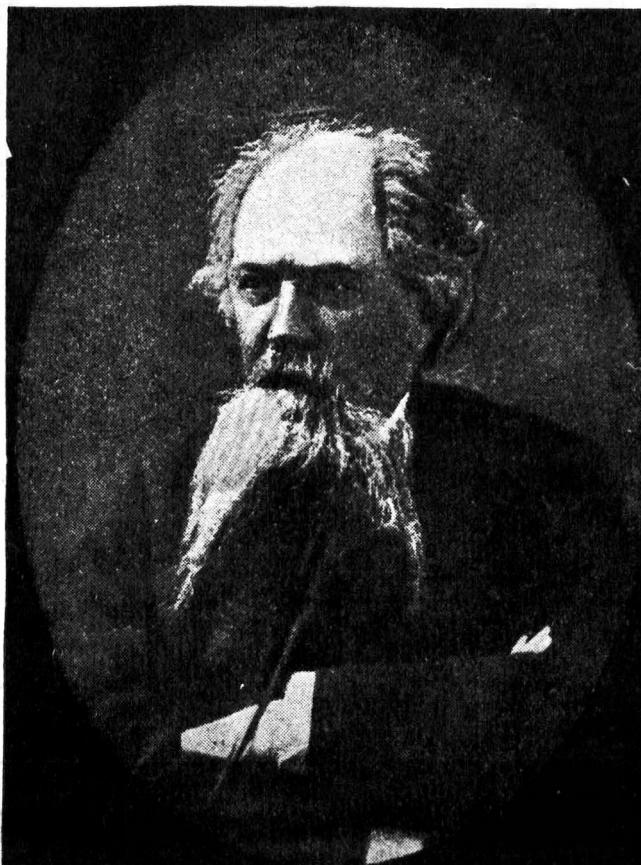
Горькая усмѣшка пробѣжалась по ея губамъ при этомъ воспоминаніи.

Она простудилась. Ея родители сердились на нее, когда она рассказала имъ причину простуды.

Ее мало трогала простуда и брань родителей—она была счастлива, потому что была убѣждена, что ея желаніе исполнится, такъ какъ видѣла падающую звѣзду—чудную, большую блестящую звѣзду, и въ моментъ ея паденія она произносila слова:—я хочу быть прекрасной!—Да, она будетъ прекрасна, какъ ея кузина, красавица Элиза, которой всѣ удивляются, быть можетъ, еще прекраснѣе, потому что свою красоту она получитъ отъ звѣздъ... Она надѣялась на это. Ироническая улыбка мелькнула на ея губахъ.

И желаніе ея исполнилось. Она выросла и превратилась въ чудную красавицу, которой всѣ удивлялись.

Она опять бросила взглядъ на статью и пробормотала:

А. М. Жемчужниковъ.

Извѣстный поэтъ, скончался 25 марта с. г.

Э. Ф. Боброва Пфейферъ.

По случаю концерта 30-го марта.

— Удивительно, какое совпаденіе! Тотъ же день, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ!—и опять замечталась, но не о прошедшемъ, а о настоящемъ.

Она встала съ дивана, открыла окно и высунулась изъ него.

Вечернее небо было усыпано миriadами звѣздъ. Вдругъ у нея мелькнула мысль:—если бы я еще вѣрила въ слова няни, что бы я могла пожелать въ этотъ вечеръ?—Глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди, и передъ ея умственнымъ взоромъ пронеслось все ея прошлое, короткое замужество, къ которому ее принуждали ея родители, и все ея безпросвѣтное, одиночное существованіе. Неужели она никогда никого серьезно и искренно не полюбить?

Ея сердце забилось сильно—она вспомнила „его“. Дрожь пробѣжалась по ея тѣлу; то же чувство испытывала она каждый разъ, когда онъ глядѣлъ на нее своими загадочными глазами. Въ его красивыхъ синихъ глазахъ отражался какой-то странный холодъ и необыкновенная жестокость.

Она опять подняла глаза къ небу.—Чего мнѣ пожелать?—думала она, и опять пробудилось въ ней ея дѣтское суевѣrie въ падающія звѣзды; и опять, какъ въ дѣтскіе годы, она ожидала моментъ, когда упадетъ звѣзда, чтобы пожелать чего-нибудь, и шире раскрылись ея глаза.

Но звѣзды были все еще неподвижны; замѣтно только ихъ легкое мерцаніе.

— Чего мнѣ пожелать? чтобы онъ меня вѣчно любилъ?.. Нѣтъ! я хочу, чтобы онъ меня искренно любилъ...

Она еще больше высунулась изъ окна. Но звѣзды все еще не падаютъ, и пронеслось опять въ ея головѣ:

— Да, онъ меня любить, я въ этомъ увѣrena... Но глаза его... О, какъ они жестоки! ей сдѣлалось жутко.

— Я несчастна—продолжала она думать, и холодная дрожь пробѣжалась по ея членамъ.

— Я хочу быть счастливой!.. Это мое единственное желаніе. Счастливой, счастливой я хочу быть! повторила она нѣсколько разъ.

У нея явилась сладкая надежда, потому что она вѣрила въ звѣзды,—вдругъ она замѣтила, какъ нѣсколько звѣздъ на небѣ засияли ярче остальныхъ и пустились въ быстромъ бѣгѣ по небесному своду.

Внѣ себя отъ радости, она еще больше высунулась изъ окна и простерла руки къ небу.

— Я хочу быть счастливой, бормотала она. Глаза ея вспыхнули страннымъ огнемъ, и на губахъ играла блаженная улыбка. Она все больше и больше высовывалась изъ окна, борча все одни и тѣ же слова.

Тра-р-р-ракъ! Она вдругъ потеряла равновѣсіе и выпала безъ малѣшаго крика изъ окна на мостовую, где разбила себѣ голову объ острый камень.

Выраженіе ея лица не измѣнилось; не замѣтно было на немъ ни малѣшаго выраженія боли. Теперь оно было такъ же прекрасно, какъ въ жизни, и задумчивая блаженная улыбка застыла на ея губахъ...

Ея желаніе исполнилось...

СЛЕЗЫ.

(ОТРЫВОК).

Съ польского.

Покажите мнѣ страданіе или радость вашу—говорилъ мудрецъ всѣхъ народовъ —и покажете мнѣ душу свою

Эти страданія и радости, въ которыхъ можно познать глубину души, не бываютъ никогда показанными.

Но если когда-нибудь случайно намъ удастся ихъ подглядѣть—о, какъ потрясающъ бываетъ ихъ безсловесный разговоръ!

Даже нѣмыя животныя, какъ библейские камни, говорятъ тогда...

Въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней мы вышли вдвоемъ съ моимъ маленькимъ сыномъ погулять по острову, на которомъ мы жили; прогулка по немъ была возможна только въ маленькой промежутокъ короткаго лѣта.

Островъ этотъ былъ окруженъ широкими волами Лены и Киренги, открыты холодными вѣтрами, дувшими съ воды, а въ лѣтніе дни, когда можно было отогрѣть душу на солнцѣ, жизнь человѣка отправлялась пыткой, не сравнимой ни съ чѣмъ; пыткой этой являлись цѣлыя тучи комаровъ, которые не давали возможности высунуть носъ изъ юрты.

Вооружившись березовыми вѣтками, безъ которыхъ мы здѣсь не выходили ни на одинъ шагъ, мы шли, весело болтая и наслаждаясь рѣдкой прелестью лѣтняго дня. Мы шли по самому берегу къ мѣсту, где мрачная и дикая Киренга вливается свои холодныя, величественные воды въ не менѣе холодную и еще болѣе величественную Лену.

Картина слянія двухъ великихъ полноводныхъ рѣкъ на мрачномъ фонѣ высокихъ, скалистыхъ береговъ, покрытыхъ вѣчной тайгой въ блескѣ яркаго солнца такъ великолѣпна, что можно было бы цѣлыми часами упиваться созерцаніемъ, но рой комаровъ отравляетъ это удовольствие.

Тщетно я звалъ моего спутника возвратиться домой. Послѣ длинной мѣстной зимы короткое лѣто является здѣсь настоящимъ раемъ, о которомъ могутъ имѣть представление у насъ только дѣти самыхъ большихъ бѣдняковъ, будучи лишены одежды, принужденные провести всю зиму взаперти.

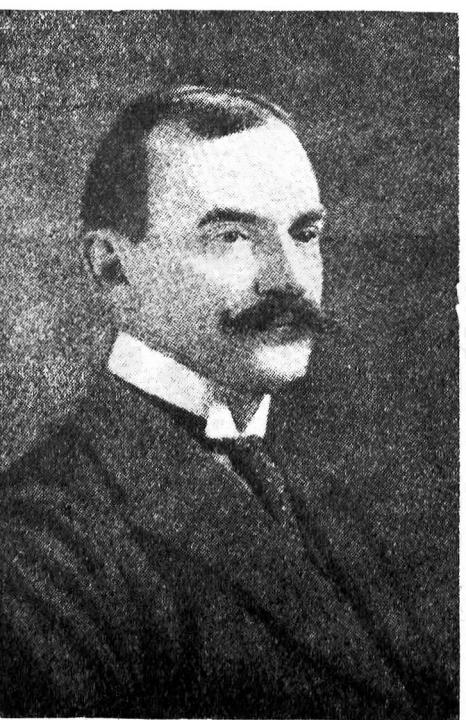
Поэтому радость дѣтей лѣтомъ здѣсь неописуема.

Чудеса природы для нихъ такъ велики и новы! Каждый стебелекъ травы, каждый цветочекъ такъ прекрасенъ!

И мой маленький сынъ не только не могъ быть исключениемъ, но, слыша въ теченіе долгой, бесконечной зимы длинные разсказы о природѣ той родимой земли, видѣть которую судьба ему не сутила, съ тѣмъ большей жаждой рвалась къ невѣдомымъ чудесамъ, а встрѣчалъ ихъ съ бурнымъ восторгомъ.

Всѣ мои просьбы возвратиться домой были тщетны.

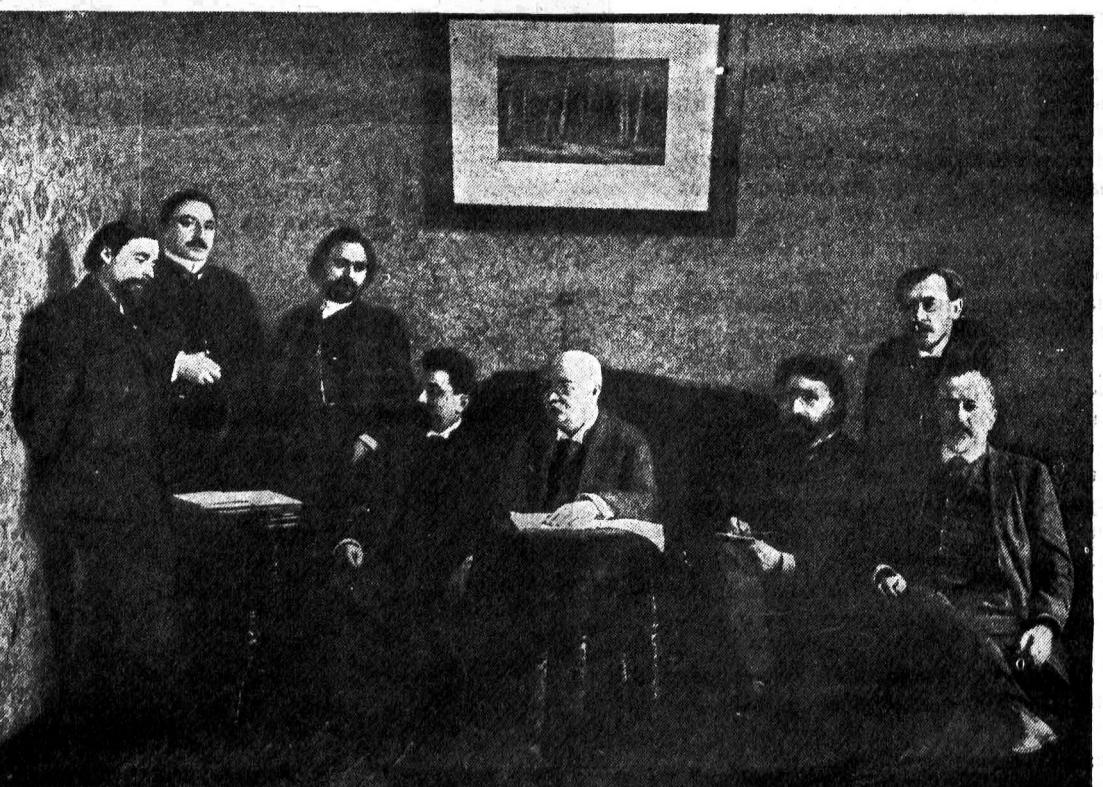
Уже всѣ карманы его были переполнены „чудными“ пестрыми камешками, березовая вѣтка давно была брошена, а рученки съ трудомъ удерживали цѣлые снопы травы и цветовъ, все болѣе и болѣе чудныхъ. А каменистый берегъ блистѣлъ все ярче, пущистый коверъ перстѣль все новыми чудесами природы. Мой мальчикъ бѣгалъ, какъ мотылекъ, то разгрѣбая причудливо отшлифованные

Джонъ Ридль,
посоль
Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной
Америки при Россійскомъ Дворѣ.

Юлій Медлагари.
Італіанскій посолъ при Россійскомъ Дворѣ.

Группа членовъ совѣта и правленія Общества дѣятелей периодической печати и литературы.
Стоятъ: И. Б. Бѣлоусовъ (секретарь правленія), кн. А. И. Сумбатовъ (товар. предѣдѣлъ совѣта) Н. Н. Данилинъ (товар. предѣдѣлъ правленія) и Н. А. Скворцовъ (секретарь совѣта).
Сидятъ: Н. Д. Телешевъ (казначай правленія), П. Д. Боборкинъ (предѣдѣдѣтель совѣта), И. И. Поповъ (предѣдѣдѣтель правленія) и Ю. А. Бунинъ (товарищъ предѣдѣдѣтеля совѣта).

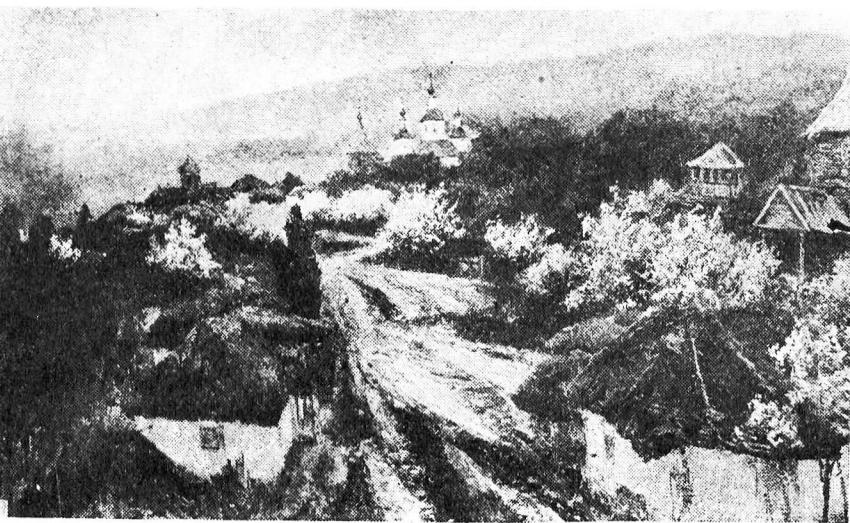
камешки, то утопая въ роскошной пестрой зелени, еще болѣе роскошной и пестрой, чѣмъ у насъ, но совершенно лишенной того чуднаго запаха, который такъ дѣйствуетъ на нашу душу, сродняе ее съ душой природы.

Растительность далекой Сибири поражаетъ яркостью и свѣжестью своихъ красокъ, съ которыми могутъ сравняться растенія, только самой ранней нашей весны. Здѣсь можно видѣть настоящія чудеса природы. Но это чудеса холодныя, беззушные. Они удивительно похожи на здѣшнихъ людей: людей сильныхъ, энер-

гичныхъ, предпримчивыхъ,—но холодныхъ, суровыхъ, какъ-будто лишенныхъ глубокой, горячей души человѣческой.

Я усталъ безпрерывно отгонять отъ себя и ребенка все болѣе надобливыхъ и злыхъ комаровъ; очарованіе давно невиданныхъ чудес природы постепенно улеглось, и я снова окунулся въ сферу чудеснаго дѣйствительности. Веселое, румяное лицико, звонкій голосокъ, рученки, полныя пестрыхъ цветовъ, слипались въ одно цѣлое, иѣчто такое, на что было бы больно смотрѣть не только

Выставка картинъ въ городскомъ музѣ.

„На зарѣ“.
Харьковъ въ XVIII в., картина М. А. Беркоса.

„На полднѣ“.
Харьковъ въ XX в., картина М. А. Беркоса.

„Иней“.
Картина М. А. Беркоса.

отцу родному, но даже совершенно чужому человѣку. Чѣмъ больше радовалось дитя, тѣмъ печальнѣ становился я, тѣмъ чернѣ были мысли, наполнявшія мою душу. Увидѣтъ ли онъ землю иную, или останется навсегда въ этомъ суровомъ краю, погибнуть, подавленный этой суровой природой, этими бездушными людьми? Не угодится ли своей ужасной средѣ...

Хотя я крѣпился, какъ могъ, но моя воля все ослабѣвала. И когда радость ребенка, не замѣчавшаго даже обѣлившихъ его комаровъ, не чувствовавшаго боли отъ ихъ укусовъ, дошла до полнаго апогея—я почувствовалъ острую боль въ горлѣ, и по моему лицу покатились горячія слезы...

.... Когда спустя минуту, не давъ такъ быстро отвѣта на сыпавшіеся безпрерывно вопросы, я почувствовалъ на себѣ удивленный взглядъ моего спутника,—слезы мои были быстро стерты, вѣтка снова добросовѣтно работала.

Я хотѣлъ снова приступить къ уговорамъ въ-вратиться домой, но въ этотъ моментъ мой мальчикъ, заинтересованный чѣмъ-то новымъ, чего я еще не могъ различить, побѣжалъ вдоль берега далеко отъ меня.

Довольный собой, что имѣлъ силъ не отравить искренней радости ребенка, я направился за нимъ, и вскорѣ мы оба остановились передъ явленіемъ, котораго ни до этого, ни послѣ никогда въ жизни я не видѣлъ.

На каменистомъ берегу Киренги лежалъ конь, видимо, рывезенный и выброшенный здѣсь, конь, находившійся въ такомъ ужасномъ состояніи, что его безчеловѣчный хозяинъ, видимо, нашелъ болѣе выгоднымъ привезти и бросить его на берегу, чѣмъ убить и снять шкуру, не имѣющую никакой ценности.

Конь былъ старый и истерзанный выше всякихъ представлений.

Правая задняя нога его была сломана, а все тѣло покрыто одной сплошной раной. Кожа на груди была содрана совершенно, и видно было не только „живое“ мясо, но даже бѣлые кости; также раны покрывали животъ и бока несчастнаго животнаго. Все это, вмѣстѣ взятое, и раны, и уцѣлѣвшіе кое-гдѣ куски здороваго тѣла, мы увидѣли не сразу, а только отогнавъ съ большими трудомъ цѣлую тучу комаровъ, которые, какъ жѣлезными панциремъ, покрывали сплошь все тѣло беззащитнаго животнаго, съѣдая его живьемъ.

Задняя часть тѣла со сломанной ногой лежала неподвижно, но передъ, опиравшися на колѣни переднихъ ногъ, и голова съ вытянутой впередъ шеей какъ-то странно шевелилась. Видно было, что несчастное созданіе еще чувствуетъ.

Въ первую минуту я не могъ понять, зачѣмъ этотъ страдалецъ, обезсиленный, казалось, совершенно, двигался, напрягая для этого послѣднюю каплю своихъ силъ?

Но характерное карканье, доносившееся съ вышини, объяснило эту загадку. Высоко, высоко надъ нами кружился огромный коршунъ. Несчастное животное послѣдней каплей своихъ силъ защищалось отъ ожидающей его передъ смертью еще одной, самой страшной пытки: быть заживо растерзаннымъ.

Не сразу могли мы понять весь ужасъ, всю глубину открывшагося передъ нами страданія.

Мы уже готовы были заплакать надъ этимъ страшнымъ страданіемъ, когда вдругъ увидѣли еще то, передъ чѣмъ не только какія-нибудь слова, но даже нашъ человѣческій плачъ былъ бы наимѣнѣйшая надъ этимъ безмѣрнымъ страданіемъ.

Изъ полузакрытыхъ глазъ лошади медленно катились ясныя, прозрачныя, крупные слезы...

.... Конь плакалъ.....

Галицкіе украинскіе писатели.

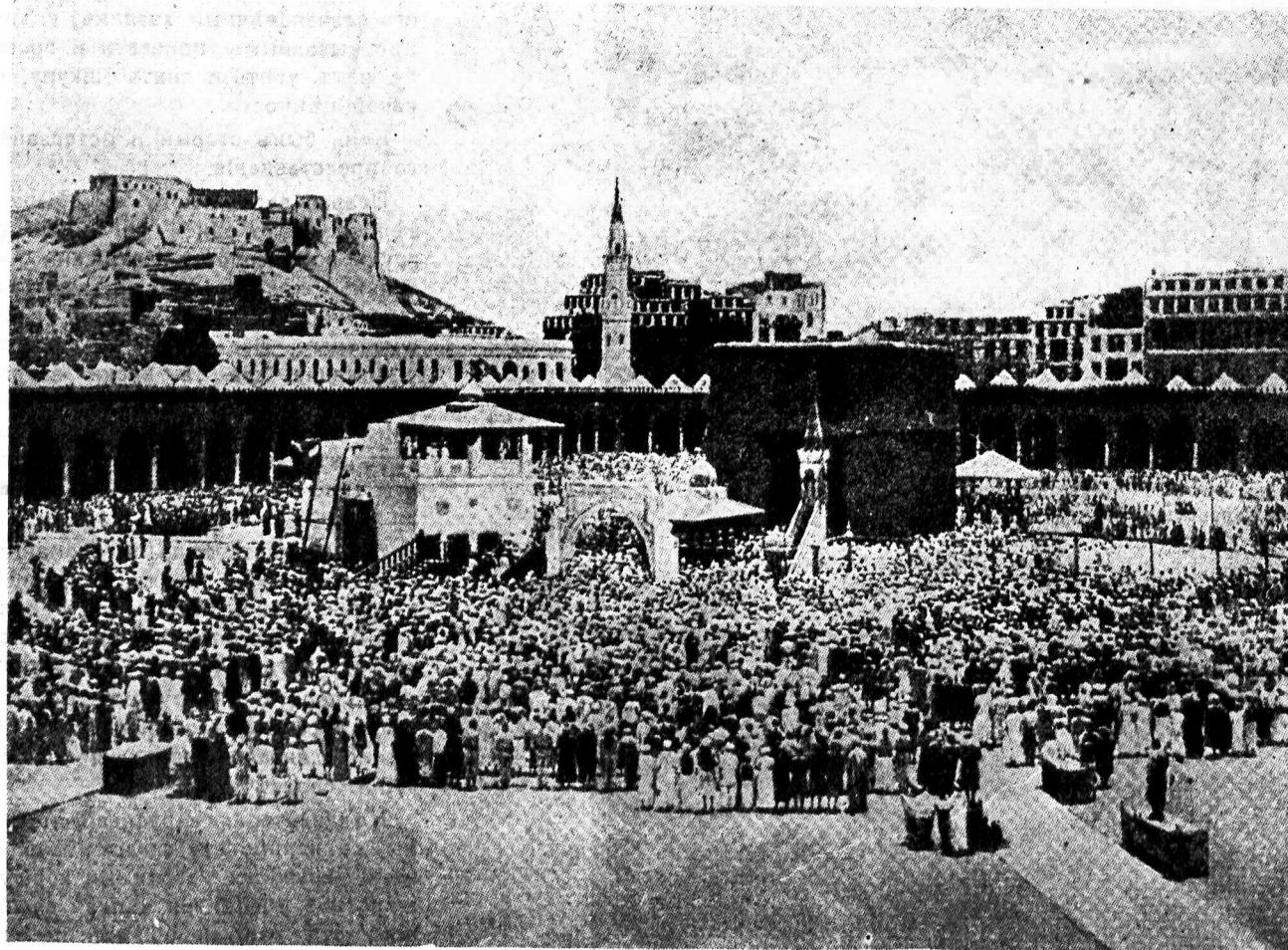
Михайлo Яцківъ.

Остапъ Луцкій.

Осипъ Маковей.

Мусульманские паломники въ Меккѣ у гробницы Магомета.